

ВАЛЕРЬЯН ТЕЛЁБИН

ФИНСКАЯ ВОЙНА

БАСТИОНЫ ЛАПЛАНДИИ

16+

Валерьян Телёбин

Финская война.
Бастионы Лапландии

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Телёбин В.

Финская война. Бастионы Лапландии / В. Телёбин — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Подлинная история невероятно трогательной любви, повествование о которой органично вплетено в описание боевых действий в Лапландии во время Советско-финской войны 1939–1940 годов. В романе честно показано, как финны противостояли вторжению и в итоге сохранили свою независимость. В то время как вовсе не большевистские полчища, а обычные парни из крестьянских семей и фабричных окраин, наши деды и прадеды, шли с простой идеей – освободить финский народ от гнёта капиталистов и помещиков, но, даже разуверившись в ней, не сломались морально и в немислимо тяжёлых условиях заполярной зимы пытались выполнять поставленные командованием задачи.

От автора

Мой роман – это подлинная история невероятно трогательной и, казалось бы, совсем неуместной на войне любви. Повествование о ней органично вплетено в описание грандиозных по значимости событий. С документальной точностью, буквально по крупицам, восстановлена хронология боевых действий в Лапландии. Часть повествования излагается от первого лица, что создаёт поразительный эффект присутствия для читателя, погружающегося в водоворот событий вместе с героями романа, принимая их системы ценностей, их мировоззрение.

В основу книги легли дневники и воспоминания участника событий.

Наряду с главным героем почти все действующие лица романа реальные персонажи – командиры подразделений РККА, крупные военачальники, финские офицеры...

В романе честно показано, как финны противостояли вторжению и в итоге сохранили свою независимость. В то время как вовсе не большевистские полчища, а обычные парни из крестьянских семей и фабричных окраин, наши деды и прадеды, шли с простой идеей – освободить финский народ от гнёта капиталистов и помещиков, но, даже разуверившись в ней, не сломались морально и в немыслимо тяжёлых условиях заполярной зимы пытались выполнять поставленные командованием задачи.

Это простая солдатская книга. Без ненависти и фальши. Без покаяний и самобичеваний. Без отрицания своего прошлого.

Глава 1

На сумрачных болотах Куоляярви
В тяжёлом липком снеге тонут звуки,
Немеют обмороженные руки
И ноги стыннут в мокрых сапогах,
Ах!..

Под бойкий перестук вагонных колёс вспомнилась вдруг упоительная сладость сочного, как брусничный морс, осеннего ветра, густо приправленного пряными ароматами опавших листьев. Закончился Польский поход. Даже как-то празднично закончился. Цветами, флагами, восторженными улыбками белорусских девушек и совместным парадом в Брест-Литовске наших ребят из 29-й отдельной танковой бригады комбрига Кривошеина с частями 19-го моторизованного корпуса вермахта генерала Гудериана. В тот день германское командование торжественно выводило свои войска из захваченного накануне города, передавая его советской стороне в соответствии с положениями подписанного недавно пакта Молотова-Риббентропа о разделе польских территорий.

А теперь эшелон уносит нас всё дальше и дальше от освобождённой Западной Белоруссии. И ласковая беловежская осень, отдрожав кострами догорающих рябин, где-то в пути уже сменилась неприветливой приполярной зимой. По дороге холодный ветер нагнал низкие свинцовые тучи, которые сплошным одеялом затянули серое небо, и крупными белыми хлопьями повалил мокрый снег...

Атмосфера праздника на станции Кандалакша, где выгружается наш полк, слегка будоражит кровь, пьяня, словно лёгкий брют. Броским напоминанием о царящей ещё в томных юношеских снах, но уже безвозвратно утраченной осени кумачово пестреют вокруг пурпурные знамёна и транспаранты. Из всех динамиков гремит бравурная музыка, периодически прерываемая восторженными славословиями в честь очередной годовщины Великой революции.

Сразу после построения с торжественной частью, на котором комбриг Шевченко зачитал приказ командования, войска выдвигаются в сторону финской границы, в направлении Алакуртти. И действительно, дорога более напоминает просто направление. Лёгкий морозец ехидно посмеивается над зябкими шинелишками, сапогами и будёновками красноармейцев. Снега насыпало уже по колено, но болота ещё не промёрзли. Местами приходится рубить лес и стелить гати. К вечеру обессиленные укладкой брёвен, взмокшие бойцы падают у костров. И сколько ж к утру пообморозилось, не имея ни тёплого белья, ни валенок, ни телогреек!

Через несколько дней изнурительного перехода дивизия вышла к границе, где и развернулась в ожидании «особого» приказа, которое длилось почти три недели. Заполярная зима, распахнув ледяные объятия, мрачно взирала тусклыми глазищами заиндевевших звёзд на невесть откуда взявшиеся в её Лапландском королевстве толпы жалких людишек в суконных шинелях. Наступила полярная ночь.

Утром, 30 ноября, перешли границу. Первым по снежной целине ушёл разведбат на лыжах, которых так не хватало в дивизии, и почти сразу же растворился в сверкающих блёстках беснующейся замяти. Вскоре стали слышны короткие автоматные очереди и ответный пачечный треск трёхлинеек. Впрочем, стрельба быстро стихла. Ближе к полудню чуть развиднелось, потянуло гарью. Впереди столбы дыма поднимались в сумеречное небо. На подступах к Алакуртти снова послышались выстрелы. Расчистив дорогу, мы вошли в выгоревший дотла посёлок, когда бой уже затих.

С каким же остервенением будет воевать противник, если он так безжалостно жжёт свои дома? Невесёлые мысли чёрным вороньём закружились над головами красноармейцев. Но сердце мне согревало полученное на днях письмо от Валеньки Дроновой из далёкого села Злобино, что под Ельцом. Дед её, Пётр Дрон, был когда-то пчельником в имении Буниных, в соседних Озерках. За что чуть было не угодил в Сибирь. Запрещённый нынче Бунин-то! А какой был писатель... наш, русский, хоть и дворянских кровей. Пишет, что картины словами рисует – так живо и красочно... И пошто с белой сволочью связался?.. Там-то, под Ельцом, и была сформирована наша 122-я стрелковая дивизия, всего три месяца назад, перед самым Польским походом.

Следующий день прошёл без единого выстрела. Но кажущееся спокойствие наталкивало на мрачную, как армейский штык, мысль, что где-то впереди ощерился колючими взглядами тяжёлых пулемётов мощный укрепрайон. С таким рельефом местности нет нужды возводить сложные фортификационные укрепления. Достаточно небольших усилий, чтобы превратить любую удобную горушку в неприступный бастион. На третий день, на подходе к гряде заснеженных крутобоких сопков почти полукилометровой высоты, пересекающих дорогу с севера на юг, в ложбине между скалистых отрогов, где вдоль берега едва замёрзшей речушки змеёй извивалась дорога на Саллу, разведбат был остановлен плотным заградительным огнём. С подходом нашей усиленной роты и других лыжных отрядов авангарда к батальону разведчиков комбат собрал командиров подразделений. После короткого совещания решено было прощупать позиции противника. К сожалению, довольно скудная растительность и относительно ровная болотистая местность на подступах к высотам не позволяла осуществить скрытый фланговый манёвр. Разведка боем – вещь, конечно, нужная, но перспектива лобовой атаки не вселяла особого энтузиазма... Что ж, приказ есть приказ... Наш – левый фланг, как повелось.

Обойдя небольшую горушку, на которой комбат с начштаба устроили НП, разворачиваемся для атаки. По сигналу ракеты наша рота совершает стремительный бросок, стараясь пересечь болотце у подножья хребта и стреляя при этом во всё, что лупит по нам со склона. Впрочем, не такой уж он и стремительный, хотя и на лыжах, но по глубокому рыхлому снегу. Да и бойцы не все сплошь олимпийские чемпионы – и амуниции навешано, и палки лыжные

на руках болтаются, а ещё и стрелять надо. Прицельно к тому же. И от вражьих очередей уворачиваться, используя складки местности, которых, кстати, нет почти. Когда ударили из миномётов, рота залегла. Но перед этим мой взвод таки достиг мёртвой зоны – небольшого отрожистого холмика у самой подошвы хребта.

Спустя несколько минут, когда к нам подтянулось ещё с десятка два бойцов, был дан приказ на повторную атаку.

– Не бойсь, ребята, им самим страшно. Нам-то не впервой. С самураями резались, поляков разбили и этих уделаем! – подбодрил я бойцов.

– Товарищ ротный старшина, поляк-то боец жиденький, чуть что, и руки кверху. А вот японец не то, хоть живьём его закапывай, не пикнет. Тока нервный очень и не смекалистый: прёт и прёт на пулемёты, будто девять жизней у него, как у кошки, – весело затараторил красноармеец Рышков, земляк мой с Брянщины.

– Забыл, Лёха, как всего пару месяцев назад мы пять дней штурмовали Графский форт в Брестской крепости? Что-то не сдались тогда поляки, хотя они перед тем ещё почитай целую неделю от германцев отбивались! – возразил ему Костя Кузнецов, один из лучших бойцов разведроты.

– Они бы и сдались, если б товарищ старшина не позволил капитану ихнему с остатками батальона ночью из заблокированного форта уйти, – не унимался Алексей.

– Думай, что мелешь! – оборвал его Костя. – Это был бы встречный ночной бой. Мы бы все там легли. Поляки сдаваться не собирались. Да и какой смысл был их останавливать, если война уже была окончена? И они в той войне честно выполнили свой долг. И язык свой попридержи! Мало потом особисты и нас, и Семёныча муржили?!

– Отставить трёп. Приготовиться к атаке. Вещмешки снять. Пулемёты на позицию. Проверить магазины. Ну, товарищ Сталин, осени нас Красным Знаменем... – заорал я. – Вперрё-ё-ёд!

Снова ударили миномёты, а следом раздались пушечные выстрелы, но значительно правее. Пехота опять залегла, а мой взвод, оставив укрытие, бросился на хорошо простреливаемый склон. Впрочем, близость противника и неровности склона почти исключали возможность флангового огня со стороны финнов. И ответную стрельбу мы сосредоточили на ближайших к нам огневых точках. Невероятное напряжение стремительно высасывало последние силы из бойцов поредевшей роты. К тому же несколько человек пришлось отрядить вытаскивать раненых, командира роты и двух взводных прежде всего. Комбат, видимо, понял, что прорыва не будет ни на одном из участков наступления и отдал приказ отходить, выждав, когда сгустятся сумерки. Вечером, сверившись данными с командирами рот, начштаба начертил схему укрепрайона со всеми обнаруженными огневыми точками. Оставалось ждать подхода основных сил и артиллерии.

Подошедшие на следующий день батальоны 596-го стрелкового полка готовились к штурму. Позже подтянулся горно-стрелковый полк и следом гаубичный дивизион. Теперь можно начинать. Но Степан Терентьевич (командир 596-го) медлил, ждал, когда начнёт темнеть. Первыми тишину разорвали залпы орудий. Началась артподготовка. На мрачных склонах укрепрайона, взметая огромные фонтаны снега, с диким грохотом стали рваться снаряды. Завораживающее зрелище длилось минут двадцать. И вдруг – оглушительная тишина в несколько мгновений и – сигнал к атаке. Первые редкие хлопки выстрелов тут же сменились короткими автоматными и длинными пулемётными очередями. Финны приходили в себя и выбирались из укрытий. Но тут снова ударили наши гаубицы, калеча и убивая уцелевших после первого артралёта.

Нашей роте совместно с двумя другими лыжными отрядами досталось совершить фланговый манёвр. Обойдя узлы обороны противника, мы пошумели там так, что финны бросили позиции и спешно отступили. Впрочем, раненых они успели вынести.

Последнего лейтенанта из нашей роты забрали вместе с пулемётным взводом. И я по-прежнему командовал лыжным отрядом, хотя формально, конечно, он.

Злую шутку сыграла с нами интендантская служба. Поступившие в войска зимние полушубки для начсостава сделали командиров отличными мишенями для финских егерей, резко выделяя их из серошинельной массы наступающих. Вот и комполка не бережётся, наоборот, норовит в первых рядах, да с наганом наголо... Так и до беды недалеко... Где это видано, за пять дней боёв почти треть комсостава выбило. Мало нам солдат пообмороженных да позастуженных. Я вот теперь в своём полушубке только во сне перед девками красуюсь, а днём, извините, воевать надо.

В заиндевевшей палатке, со всех сторон присыпанной снегом, на толстом слое елового лапника, застеленного войлочной кошмой, спят бойцы. В печке потрескивают сосновые сучья, вокруг расставлена для просушки обувь, всё больше сапоги да ботинки и лишь

несколько пар валенок, поступивших в дивизию совсем недавно и в малых количествах вместе с другим, таким необходимым зимним обмундированием. Валенки, перчатки, тёплое бельё и маскхалаты – в первую очередь пулемётчикам и дозорным. Сам выдавал, и то не всем хватило. Благо хоть лыжи у каждого.

Совсем не так обстоят дела с обмундированием в других подразделениях. Лыжи, автоматические винтовки, маскхалаты только у боевого охранения. Остальные красноармейцы, вооружённые в основном трёхлинейками, в сапогах с брезентовыми голенищами, с красными, шелушащимися от обморожений руками по большей части занимаются расчисткой снега, рубкой леса и настилом гатей в заболоченных низинах. Коминтерновские трактора частенько простаивают из-за нехватки топлива, да и завестись на таком морозе целая история, сами нередко вязнут в переметах высотой в рост человека. Много сил отнимает строительство блиндажей и землянок. Отступая, финны жгут всё. Редкая удача выпадает, если удаётся найти какой-нибудь уцелевший сарай. А перспектива спать под открытым небом никого не прельщает, особенно в купе с запретом разводить костры.

Дорога на Куолаярви (ещё неделю назад глухомань глухоманью) превратилась в оживлённое шоссе, по которому круглые сутки не переставая шло движение: на запад двигались колонны красноармейцев, полевые кухни и артиллерия на конской тяге, грузовики с оружием и боеприпасами, обмундированием и продовольствием, танки, бронев автомобили и автоцистерны и многое-многое другое. Навстречу попадались санитарные машины с ранеными и обмороженными. Причём количество обмороженных в разы превышало боевые потери, особенно в самом начале войны. Потом народ как-то пообвыкся с холодом, да и командование на всех уровнях (вплоть до младших командиров) стало уделять этому вопросу должное внимание. Снизились темпы наступления, что позволило больше времени отводить на обустройство быта личного состава. Рапорты в штаб корпуса неизменно сообщали о необходимости немедленно доставить в войска зимнее обмундирование, дожидаясь которого бойцы шили себе рукавицы из байковых одеял.

Так, выгалкивая увязшие в снегу грузовики, гаубицы и полевые кухни, бронев автомобили и штабные машины, матерясь и чертыхаясь, пехота медленно ползла на запад.

Через пару дней на подступах к селу Кайралы разведбат вновь попал под довольно плотный огонь. Мост через узенькую протоку между двумя половинками озера Куолаярви был взорван. Разведка залегла, ожидая нашего подхода.

Стрельба почти затихла, когда моя рота развернулась для атаки на левом фланге. Стенело уже совершенно. Мы скрытно от противника перешли уже прилично замёрзшее озеро и открыли огонь, ориентируясь на вспышки от выстрелов со стороны финского погранотряда, стараясь обойти с левого фланга минные заграждения, указанные разведкой.

Меньше часа ушло на то, чтобы выбить противника из посёлка. При остром дефиците маскхалатов полярная ночь становилась нашим надёжным союзником.

Глава 2

Шатаясь, стелем гать на Алакуртти –
Мелькают брёвна, щепки, топоры...
Мордва, киргизы, русские, удмурты...
«Пехота, эй! Не разводите костры!
Тут финны близко...»

Десятый день наступления. Почти без боя заняли посёлок Куоляярви. Если можно назвать «почти» то, что, отходя, финны жгли всё подряд, минировали всё что можно, делали завалы и устраивали засады и не оставили ни одного целого моста. Словно манипулируя гигантскими щупальцами, авангардный полк обхватывал лыжными отрядами очаги сопротивления противника, уничтожая их или вынуждая отступить. Продвинувшись вглубь вражеской территории более чем на семьдесят километров, дивизия изрядно растянула коммуникации.

Командир дивизии комбриг Шевченко понимал уязвимость своих соединений. Противник активно использует партизанские методы ведения боевых действий, оперируя небольшими лыжными группами, вооружёнными по большей степени пистолетами-пулемётами «Суоми», имеющими хотя и не слишком большую прицельную дальность стрельбы и довольно низкую пробивную способность пистолетного патрона, но оказывающими ошеломляющий эффект на бойцов тыловых подразделений, попадающих под внезапный интенсивный автоматический огонь с разных направлений. В связи с чем были выделены дополнительные пулемётные команды для патрулирования дорог и усилено боевое охранение тыловых частей. Но главной контрмерой по-прежнему оставалось активное использование лыжных отрядов для уничтожения диверсионных групп противника на бескрайних просторах неприветливой Лапландии.

В штабе армии был разработан план, в соответствии с которым наступающие части нашей дивизии разделялись на две группировки. Основная – от Куоляярви, продвигалась на юго-запад, нанося удар в направлении Меркъярви, и далее – на Кемиярви. Наша же группировка выдвигалась на северо-запад, в сторону Савукоски, а оттуда сворачивала на юго-запад с целью захватить Пелкосенниemi и, повернув на юг по реке Кемийёки, взять в клещи основные силы противника, дислоцированные в районе Кемиярви.

Нам предстояло, оторвавшись от основных сил дивизии, преодолеть около ста шестидесяти пяти километров по вражеской территории, преследуя отступающие части противника, в составе всего лишь одного Мурманского горно-стрелкового полка, в действительности состоявшего из одного батальона пехоты усиленного полковой артиллерией, разведбата и нашей отдельной лыжной роты. Растягивая при этом до предела и без того уже сильно растянутые коммуникации.

Перед началом наступления майор Коломиец, командир горно-стрелкового полка, будущий командир легендарной Полярной (Дикой) дивизии, собрал начсостав вверенных ему подразделений, куда вызвали и меня как исполняющего обязанности командира лыжного отряда. Основная задача, которая мне ставилась, это не допустить скрытного проникновения крупных сил противника на левом фланге наступающей группировки...

Оказавшись в расположении штаба, я заодно заскочил повидаться с Таней, старшим военфельдшером нашего медсанбата, с которой познакомился ещё летом во время жарких боёв на Халхин-Голе. Коротко стриженная темноволосая красавица с карими глазами нервно курила возле госпитальной палатки.

– Надолго? – спросила она тихим измученным голосом.

– Пара часов есть... – ответил я, прижав к себе хрупкую девушку в накинутом на худенькие плечи полушубке.

– Пойду отпрошусь... – сказала Таня заметно повеселевшим голосом и нырнула под полог санитарной палатки. В провизорской было довольно зябко, но в объятьях друг друга мы этого почти не замечали, расстелив мой полушубок на каком-то здоровенном ящике с медикаментами. – Я слышала, вас направляют в обход вместе с 273-м горно-стрелковым. Смотри там осторожней, а то пропадёте, как римские легионы в Северной Британии, – встревоженно произнесла девушка, неестественно сильно сжав мою руку своими тонкими пальцами.

– Откуда такие сведения? Я сам только сейчас в штабе узнал, – слегка наигранно удивился я.

– Так Коломиец заходил, а как ушёл, так Машка и разрыдалась. Ну мы и расспросили... – прошептала Таня, нежно касаясь горячими губами моей небритой щеки.

– А про римлян откуда такие познания? – переспросил я, расстёгивая ворот её гимнастёрки.

– Это бригадный комиссар Лисицин к нашему главному вчера за спиртом заходил, вот они напробовавшись и давай рассуждать про римские завоевания, а я и услышала, – озорно прощebetала красавица.

– Ты не рассказывай никому. Илью Михайловича и так органы потрепали изрядно, – произнёс я, переходя на шёпот.

– Да нешто мы дуры сельские? – возмутилась было девушка, но тут же впиалась своими сочными губами в мои обветренные губы.

Следующие несколько минут пролетели как один миг, а затем я заснул. Ненадолго, всего на полчаса. И снилось мне жаркое солнце далёкой Монголии, выгоревшая степь и дикая атака обезумевших от фанатизма японских солдат, прорвавшихся в расположение медико-санитарного батальона, в котором служила Таня... Наша рота, прямо с марша брошенная закрыть прорыв, встретила самураев в штыки, не было времени даже развернуть пулемёты. Пока мы резались с озверевшими япошками, Татьяна организовала погрузку и эвакуацию раненых ни секунды не сомневаясь, что мы отобьём атаку. И мы отбили, правда, почти треть бойцов осталась лежать на пожухлой траве Баин-Цагана. А ещё треть попала в тот самый госпиталь, который мы и обороняли. С такими потерями рота не могла продолжать участвовать в боевых действиях и была оставлена в качестве охранения при медсанбате.

Точёный серп зазубренной луны тускло освещал заснеженное болото, по краю которого, вдоль кромки леса, по спрессованному ледяным ветром чуть припорошенному насту, жалобно поскрипывая лыжами, двигался отряд финских егерей – диверсионная группа 25-го отдельного батальона (из состава оперативной группы «Северная Финляндия» генерала Туомпо), прибывшая всего несколько дней назад из под Рованиеми. Отряд состоял из четырнадцати бойцов, в основном запасников старших возрастов, призванных в рамках второй очереди всеобщей мобилизации в середине октября 1939-го. Среди них были три или четыре новобранца, хотя и не имевшие вообще никакой военной подготовки, но обладавшие чуть ли не врождённым умением ходить на лыжах и хорошо стрелять. Отряд этот под командованием немолодого офицера запаса Матти Лайнена, участвовавшего ещё в гражданской войне в Финляндии и потерявшего в ней всю семью (отца, полицейского из Тампере, красные расстреляли вместе с матерью, учительницей музыки в местной школе) и люто ненавидевшего большевиков, замыкал Илмари

Майланен, тоже участник гражданской войны. Только воевал в той войне он на стороне красных. И тоже потерял в ней единственного по-настоящему близкого ему человека – старшую сестру Айне. Отважную озорную девчонку, верившую в идеалы о всеобщем равенстве и братстве. Её расстреляли

весной 1918 года где-то в лабиринте портовых сооружений города Лахти по приказу майора Ганса Кальма вместе с двумя сотнями других, таких же ясноглазых девчушек. Сам пятнадцатилетний Илмари после поражения красных в сражении за Тампере угодил в концлагерь в том же Лахти. Он чудом остался жив, едва не умерев от голода и свирепствовавших там эпидемий. А после освобождения, осенью 1918 года, перебрался подальше на Север, в глухомань. Освоил тонкости профессии лесоруба и попытался поскорее забыть опутанные плотными рядами колючей проволоки кошмарные картины своей юности... Впрочем, последнее ему не удалось.

Пройдя примерно с километр по руслу замёрзшей реки Куолайоки, отряд вышел к западной окраине посёлка Куолаярви. На фоне нескольких уцелевших после пожара строений в свете луны были видны аккуратные ряды армейских палаток русских. Вернулся один из разведчиков и больше жеста, нежели словами объяснил командиру наиболее удобное направление для проникновения в расположение лагеря, где ими уже были сняты дозорные.

– Стрелять, только если по нам откроют огонь. Действуем ножами, – коротко скомандовал Матти.

Оставив двух бойцов для прикрытия, группа двинулась в указанном направлении. Ворвавшись в расположение русских, отряд разделился на три группы и бросился к ближайшей армейской палатке, из-за которой вдруг выскользнула тень в коротком полушубке и направилась прямо навстречу бойцам в белых маскахалатах. Видимо, ещё не привыкнув к темноте, девушка, а это была именно девушка, с хорошо различимой даже при таком скудном освещении белой повязкой с красным крестом на рукаве, сделала вперёд ещё несколько шагов... и внезапно замерла в оцепенении, глядя округлившимися от ужаса глазами на неотвратимо приближающуюся неминуемую смерть... Бескомпромиссно блеснуло в лунном свете лезвие финского ножа. Не в силах произнести ни звука она почувствовала, как сталь с хрустом вошла в грудь и, замерев на мгновение, её личная вселенная взорвалась ослепительной термоядерной вспышкой. Отбросив бездыханное тело в сторону, бойцы основной группы по сигналу офицера отстегнули крепления лыж и, распоров плотный брезент, ринулись внутрь госпитальной палатки. Две другие группы заняли позиции справа и слева от входа.

– Командир, там только раненые и медперсонал, – тихо сказал Илмари.

– Что с того? – безразлично переспросил Матти.

– А то, что и на войне нужно оставаться человеком, – несколько громче произнёс Майланен.

– Тихо! – зашипел командир.

Из палатки, в которой находилось почти три десятка раненых и обмороженных да пара медсестёр, сначала раздались удивлённые возгласы, а следом сдавленные крики, перераставшие в вой. Офицер жеста отдал приказ ещё двум бойцам, и те тоже бросились внутрь палатки. Заколов медсестёр и почти три десятка искалеченных солдат, из которых большинство даже не успело толком проснуться и понять, что происходит, озверевшие от дымящейся крови свирепые воины высыпали наружу через пару минут и бросились к следующей палатке. Командир подбородком указал Майланену следовать за ними.

– Не пойду, – твёрдо произнёс Илмари.

– Пожалеешь... – злобно пробурчал в ответ Матти Лайнен.

Соседняя палатка оказалась забита под завязку каким-то армейским хламом, людей там не было. Поразмыслив пару секунд, Матти знаком руки указал в направлении следующей

палатки, стоявшей несколько поодаль от первых двух. И оставив Майланена для прикрытия, бросился вслед за своими бойцами.

Внезапно неподалёку раздался пронзительный крик. Илмари бросился в проход между палатками и увидел убегающую прочь девушку, видимо, заглянувшую в чертоги кровавого пира, устроенного его соотечественниками. Вслед за ней метнулась тень молодого финского воина, опьянённого запахом крови. «Надо срочно уходить! Почему командир медлит?» – пронеслось в мозгу лесоруба. Но расвирепевшие бойцы устремились вглубь расположения противника в поисках новых жертв. Командир терял контроль над ситуацией. В следующий миг из стоявшей не более чем в пятидесяти шагах, на вид нежилой палатки навстречу медсестре стремительно выскочил полураздетый пехотинец. Красноармеец вскинул винтовку и резко крикнул короткое слово «ложись». Девушка нырнула ему под ноги, и в тот же миг раздалось два выстрела. «Автоматическая», – зафиксировал мозг Илмари.

Преследовавший русскую медсестру молодой финн вдруг неестественно сильно запрокинул голову и, выгнувшись вперёд всем телом, повалился набок. «Видимо, пуля, попав в шею, перебила позвоночник» – успел подумать Илмари, передёргивая затвор. Но красноармеец резко бросился в сторону, перепрыгнул через девушку и, припав на одно колено, открыл прицельный огонь по опешившим финнам. Те даже не сразу сообразили, что в руках у них только окровавленные кинжалы, и, слегка замешкавшись, схватились за оружие и стали передёргивать затворы. Пока бойцы теряли драгоценные мгновения, русский уложил ещё двоих и ранил одного сына Суоми. При этом он стремительно менял позицию после каждого выстрела, заходя во фланг основной группе. Уверенные и вместе с тем непредсказуемые действия красноармейца говорили о многом. Это был не просто опытный боец, это был матерый вояка, способный в одиночку уничтожить весь их отряд, будь на улице чуть посветлее. Илмари не смог даже толком прицелиться и, выстрелив почти наугад, тут же получил в ответ короткую очередь, причём одна из пуль больно обожгла ему левое бедро. В следующую секунду красноармеец громко крикнул:

– Первый взвод, ко мне! Второй взвод, отрезай их от леса.

«Видимо, по соседству расположена комендантская рота», – подумал Илмари, увидев, как в их сторону бегут ещё несколько красноармейцев.

Больше двадцати лет прожив в приграничье, он довольно сносно понимал по-русски. «Пора уносить ноги», – выстукивал пульс по барабанным перепонкам. Дождавшись, когда уцелевшие бойцы его отряда поравняются с ним, он подхватил под руку раненого командира с двумя красными астрами, украсившими белую ткань маскхалата на его плече и на груди. Группа, беспорядочно отстреливаясь, стала отходить к лесу. Вовремя поддержали огнём оставленные для прикрытия два автоматчика. Иначе бы не вышли. Уложив раненого офицера на волокуши, поредевший отряд двинулся в обратный путь.

– Замыкающий, – одними губами произнёс побледневший командир Майланену, укладывавшему его на керёжу.

– Есть замыкающий, – спокойно ответил Илмари, пропуская вперёд сослуживцев, из которых ещё двое оказались легко ранены: у одного была окровавлена кисть, а у другого перетянута ремнём предплечье.

А теперь вернёмся на десять минут назад... Мне снилось жаркое солнце далёкой Монголии, выгоревшая степь и изумительной, звенящей голубизны небо. Небо было совсем близко, казалось, оно опустилось на землю, и нужно было только встать, чтобы прикоснуться к нему, оказаться в нём и самому стать небом, лёгким безмятежным белым облачком. Нужно только встать...

– Вставай! Миша, вставай! – услышал я взволнованный шёпот.

– Что? Что происходит? – спросил я и тут же пожалел.

Целая вселенная ворвалась в мой мозг. Вселенная огня и ревущих моторов, вселенная ледяной вьюги и марширующих батальонов. Вселенная войны... Резко вскочив, я мгновенно надел штаны и гимнастёрку. Вдруг снаружи раздался пронзительный, леденящий душу крик. Бросив телогрейку, я схватил автоматическую винтовку и выбежал из палатки...

Подоспевшие на подмогу ребята, трое из моей роты и двое из охранения, помогли выбить финнов из расположения лагеря. Я вернулся в провизорскую, чтобы одеться. Таня сидела на ящике, обхватив обеими руками дрожащую и всхлипывающую девчущку, которую мне только что едва удалось вырвать у финнов.

– Как там? – встревоженно спросила Татьяна, оглядывая меня с ног до головы.

– Отбили. Диверсанты. Человек десять. Трех уложил. Да не смотри так, я не ранен, – выдохнул я в ответ и, проведя ладонью по её щеке, стал быстро одеваться.

– Там Катя, неживая, за палаткой. Внутрь зайди, может, кто остался. Пойдём, – произнёс я, через силу выговаривая каждое слово.

Подойдя к своим бойцам, я достал из планшета карту. Со всех сторон уже сбегались солдаты гарнизона и медперсонал. Двое красноармейцев, что помогли нам отбить диверсантов, видимо, докладывали подробности начальнику караула, стоя от нас шагах в двадцати и энергично жестикулируя, несколько раз показали в нашу сторону. Начкар направился к нам, я шагнул навстречу.

– Здравия желаю.

– Вовремя вы здесь оказались, старшина...

– Это не всё. Мы начинаем преследование, – перебил я его и жестом подозвал своих бойцов.

– Ребята, бегом за лыжами. Всё лишнее оставить у Тани в провизорской. Даю пять минут. Смотри, капитан, – я развернул карту, – они пойдут по руслу Куолаярви, здесь прямой участок километра полтора, дальше здоровенное болото километра на три тянется. При такой луне они на открытое место не полезут, свернут направо и будут уходить по кромке леса. Мы пойдём напрямик, через болото, и вот здесь, у озера, в перелеске, их и встретим.

– Сколько их, можете сказать? – осторожно перебил меня начальник караула.

– Осталось человек десять, не больше. Есть раненые, один тяжёлый. Надеюсь, ещё жив, – ответил я.

– Почему надеетесь? – удивился начкар.

– Он их задерживает.

– Что от меня нужно? – с готовностью произнёс офицер.

– Организуйте вторую группу. Человек пять. По их следам. Я на развилке на их лыжню еловую лапу брошу. С двух сторон зажмём, не вырвутся. У вас десять минут, – закончил я, убирая карту и застёгивая крепления лыж.

Глава 3

Погоня

Чужая смерть на лыжах, в маскхалате,

Привычно передёрнула затвор:

«А ну-ка, на кого патронов хватит?!..»

Смелее выходи, солдат, в дозор!»

Спустя две-три минуты мы встали на хорошо укатанную лыжню и сразу взяли высокий темп. Предстояло преодолеть около пяти километров. Вскоре выскочили на русло Куолаярви и ещё прибавили хода. Скоро выйдем к болоту, и финская лыжня уйдёт в сторону, а нам при-

дётся шуровать напрямик и, поочерёдно меняясь, прокладывать свою. На развилке я швырнул пушистую еловую лапу в направлении движения диверсантов и пропустил вперёд Алексея Рышкова:

– Вон на ту яркую звезду над горизонтом держи! – махнул я рукой в сторону зловеще подмигивающей рубиновой точки, надвое разрубившей снежную пустыню остро отточенным лучом.

– Марс, товарищ старшина! – выдохнул жилистый поджарый боец, рванув вперёд.

«А хоть бы и Марс, – подумал я, – главное, чтобы начкар не подвёл, выслал вторую группу...»

Но начальник караула оказался молодцом. Несмотря на то, что арену разыгравшейся трагедии вскоре наводнило разномастное штабное начальство, ежеминутно требующее объяснений случившегося, начкар всецело занялся формированием группы преследования, предварительно выставив пост возле окровавленной госпитальной палатки и поручив разводящему сержанту давать объяснения переполошённым офицерам штаба. В погоню рвались многие, но отобрав пять человек с серьёзной лыжной подготовкой, выдав один ручной пулемёт и по паре гранат на каждого, офицер коротко проинструктировал бойцов и, назначив старшего, отправил следом за первой группой. Красноармейцы, вооружённые трёхлинейками, стремительно пронеслись сквозь расположение гарнизона, и только замыкающий – с «дегтярём» за спиной – не был так резок в движениях и весьма сдержанно расходовал силы...

Преодолев болото, мы вышли к узкому перелеску, протянувшемуся от подножия крутобокой сопки почти до самого спуска к берегу озера Кимаярви, где наткнулись на лыжню. Финские лыжи намного шире и потому удобнее при движении по рыхлому снегу. Но и лыжня их заметно отличается от нашей.

– Успели, – произнёс я, пытаясь отдышаться.

– Так точно, товарищ старшина, лыжню чуть припорошило, да и следов от волокуши не видать, – подтвердил запыхавшийся красноармеец Рышков.

Разделив отряд, я отправил Алексея в паре с ещё одним бойцом к подножию сопки, чтобы не дать финнам уйти в лес.

– Лёша, выбери позицию повыше, на склоне. Как появятся, берёте на прицел замыкающих в цепочке основной группы. На нас первый и второй...

– А головной дозор? – удивлённо перебил Алексей.

– А головной дозор пусть паникует. Далее. После залпа затаитесь, не светите позицию. Они с ходу не определят, залягут и станут отстреливаться, потом расползаться начнут. Вот тут смотри, как поднимется кто, бей. А мы головным дозором займёмся. А там, глядишь, и наши подспеют.

– А если нет? – с тревогой спросил один из бойцов.

– Если нет, они назад отойдут и попытаются уйти через сопки. Сядем на хвост. Главное запомните: мы охотники, они жертва. Каждый из вас стоит трёх финских егерей. Тогда всё получится.

Расположившись шагах в десяти друг от друга, мы со вторым бойцом укрылись за стволами вековых сосен на самом краю каменистого кряжа, поросшего лесом и заметённого глубокими непролазными снегами, в нескольких шагах от финской лыжни.

– Запомни, солдат, выстрел и гранату швыряй в головной дозор. Они, я думаю, рядом с нами тормознут, своим маякнуть, мол, чисто.

Разложив по нотам партитуру предстоящего боя, я посмотрел на небо. Заиндевело поблёскивали пламенные звёзды, облизанное ледяными ветрами озеро безжизненно искрилось в сиянии полярной луны. Её точёный серп светил из-за правого плеча – удачней не придумаешь. Ну с Богом, товарищ Сталин.

Бой

Спустя всего пару минут, от противоположной опушки отделились две бледные тени в маскхалатах и резво двинулись в нашем направлении. Не дойдя до нашей лыжни шагов тридцать и наскоро оглядевшись, один боец обернулся и замахал рукой, второй, припав на колени, взял автомат наизготовку. «Торопятся. Неужели погоню почувствовали? Хорошо бы. Главное, чтобы нас не учуяли», – пронеслось в мозгу.

Появилась основная группа. Когда они достигли середины болотца, я тихо скомандовал: «Цельсь!» И через три секунды: «Пли!» Словно эхо раздалось слева ещё два выстрела. Свинцовой плетью стеганула по стволам сосен ответная автоматная очередь и тут же захлебнулась в оглушительных разрывах брошенных нами гранат. Оба бойца головного дозора неподвижно замерли в неестественных позах. Основная группа залегла, в троих попали. Мой боец, Костя Кузнецов, сидел, прислонившись спиной к дереву, держался за правое плечо и тяжело дышал. Видно, зацепили, когда гранату бросал.

– Как ты? – спросил я коротко.

– Стрелять не могу, плечо горит, – тихо отозвался Костик.

– Я гранату приготовлю себе. Если что...

– И думать забудь! Отобьёмся! Рану зажми, – уверенно подбодрил я парнишку.

Постреляв с полминуты, финны попытались отойти к лесу, но только поднялись, как мы открыли по ним интенсивный огонь. Они снова залегли. И вдруг позади них ударил пулемёт и раздалась резкие хлопки винтовочных выстрелов. Обезумевшие люди в ужасе заметались по открытому пространству, ища спасения, но укрыться им было абсолютно негде. Падая, резко вскрикивали ужаленные свинцовыми осами суровые финские воины.

Когда через пару минут огонь начал стихать, я, сложив руки рупором, громко крикнул:

– Прекратить огонь!

В ответ, через болотце, через стоны раненых донеслось:

– Кто такой?

– Старшина Телёба. Командую операцией, – и уже обращаясь к солдатам противника:

– Воины Суоми, предлагаю сдаться! Гарантирую жизнь!

В ответ раздалась автоматные очереди и одиночные выстрелы. Оба наших отряда, перезарядившись, открыли ураганный огонь по огрызающимся финнам, неумолимо сжимая клещи ударных групп. Когда, казалось, уже некому было сопротивляться и противник уничтожен, раздался крик:

– Русский, не стреляй! Сдаёмся!

– Встать! Руки вверх! Оружие в сторону! – громко скомандовал я.

Из снега неуверенно стали подниматься деморализованные финские солдаты. Отшвырнув в сторону оружие, они с трудом подняли руки. Все трое были ранены. Взяв автомат наизготовку, я вышел навстречу.

– Ещё есть? – крикнул я.

– Только убитые и командир без сознания, – ответил один из пленных.

Из леса уже спешили бойцы группы преследования. Подбежали и мои ребята.

– Все целы? – спросил я, обращаясь ко всем разом.

– Да! Так точно! – ответили несколько голосов.

– Парни, там Костика зацепило, заберите, – обратился я к своим бойцам. – Что с ним, товарищ старшина? – взволнованно произнёс Рышков.

– Плечо, грудь... Тяжёлый. Перевяжите хорошенько и на волокуши финские грузите.

– А с этим что делать? – спросил второй боец, поведя дулом винтовки в сторону лежащего на волокуше финского офицера.

– А щас я ему билет в ад прокомпостирую и освободится транспорт, – грозно пробасил подошедший пулемётчик с «дегтярём» на плече.

– Верно, боец. Там ему самое место. Только... – я сделал паузу, – не будем мы, воины рабоче-крестьянской армии, зверям уподобляться, раненых добывая. Пусть пленные на руках тащат.

Пленные, соорудив из лыж погибших соотечественников некое подобие санок, погрузили на них своего командира. В это время красноармейцы собрали оружие, амуницию и лыжи, снимали с убитых маскхалаты, обувь и все тёплые вещи. Когда бойцы принесли раненого Костика, отряд тронулся в обратный путь, оставив тонуть в полярных снегах полураздетые изжаленные пулями мёртвые тела финских солдат...

Впереди шли бойцы гарнизона, следом тащились пленные финны, мы замыкали шествие, поочерёдно впрягаясь в волокушу с раненым товарищем. Я подозвал одного из пленных.

– Как зовут?

– Илмари, Илмари Майланен.

– Откуда русский знаешь?

– В приграничье живу давно. Лес валю.

– Лесоруб. Пролетарий, значит! Что ж ты против нас воюешь? Мы же пришли освободить вас от ига капиталистов.

– Вы на нашу землю пришли с оружием. Кто ж не будет свой дом защищать?!

– Вы тоже лет двадцать назад пытались у нас Ухту оттяпать, всё хотели там *независимое* Северокарельское государство создать.

– Так то ж белые, я с ними ещё в восемнадцатом году сражался. Всю семью потерял. Жутко вспоминать, финны с финнами резались, расстреливали пачками, а потом в лагерях голодом морили.

Вскоре мы пересекли болото, и мне пришлось подозвать одного красноармейца из головной группы в помощь своим отставшим ребятам. Отряд заметно растянулся, и тут финн, с которым мы разговаривали, стремительно бросился в густой заснеженный кустарник по левую руку. Поравнявшийся со мной, боец гарнизона шустро вскинул винтовку и передёрнул затвор. Я положил руку ему на ствол и опустил вниз дуло трёхлинейки.

– Уйдёт же, товарищ старшина! – с горечью вскрикнул боец.

– Ничего, пусть уходит.

– Так они же наших... в госпитале... – возразил он, задыхаясь от возмущения.

– Не резал он. Видел, на остальных, почти на всех, маскхалаты кровью забрызганы? А у него только пятна от ран на руке и на бедре... Но не это главное.

– А что?

– ...Потом, боец. Некогда.

По возвращении не удалось мне избежать объяснений с особистом. Несмотря на то, что комполка лично объявил благодарность мне и моим бойцам, всё равно прицепился, зараза.

– Скажите, Михаил Семёнович, как это вы, красный командир, девятый год в РККА и вдруг врага отпускаете? Откуда такое преступное милосердие к белофинским бандитам? А разговаривали вы с ним о чём? Может, он вас завербовать пытался?

– Ну вы уж хватили, товарищ старший лейтенант государственной безопасности. Как может милосердие быть преступным? Оно либо есть, либо нет его.

– Прекратите демагогию, старшина! Вы прекрасно поняли, что я имел в виду. – Так точно, понял. Но мы-то с вами кадровые военные, товарищ Резников, должны мыслить стратегически, чтобы победить. И принимать порой неоднозначные решения. Я ведь прекрасно понимал, что за свою вольность буду объясняться именно здесь. Но будучи наслышан о вас как о человеке умном и дальновидном, надеялся, что вы меня поймёте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.